

СТРАШНЫЕ
СКАЗКИ
с ЧЕРНОГО
КОРАБЛЯ

Крис Пристли

перевела Наталья Александрова

Страшные сказки

Крис Пристли

**Страшные сказки
с Чёрного корабля**

«Самокат»

2008

Пристли К.

Страшные сказки с Чёрного корабля / К. Пристли — «Самокат», 2008 — (Страшные сказки)

ISBN 978-5-00167-462-7

Три дня на побережье беснуется шторм. «Старый трактир», где живут Итан и Кэти, жмётся на краю скалы. Отец ушел за доктором, и дети сидят одни, пока буря не приводит в их дом незнакомца. Он мастер рассказывать морские истории, одна страшнее другой. Об оживших татуировках, черных парусах, морских чудовищах и жутких открытиях. Итан с Кэти готовы слушать их бесконечно. Вот только отцу давно пора вернуться. И ночь тянется и тянется, как будто ей и правда не будет конца... 5 причин прочитать книгу «Страшные сказки с Чёрного корабля»: • Действительно жуткие страшилки для любителей жанра ужасов; • Отличная стилизация под мрачные мистические рассказы для всех, кто любит Эдгара Алана По; • Красиво построенная композиция сборника для тех, кто ценит продуманно построенные сюжеты; • «Сказки...» подходят и детям, которые просто любят страшилки, и взрослым, которые хотят отвлечься от реальных страхов; • В серии планируется три книги. Ранее в 2021 году вышла первая книга серии «Страшные сказки дядюшки Монтегю».

ISBN 978-5-00167-462-7

© Пристли К., 2008

© Самокат, 2008

Содержание

Шторм	7
Пирожка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Крис Пристли

Страшные сказки с Чёрного корабля

Посвящается Адаму

Иллюстрации Дэвида Робертса

© Chris Priestley, 2008

This translation of Uncle Montague's Tales of Terror is published by Samokat Publishing House
by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc

© Александрова Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом „Самокат“», 2023

* * *

Крис Пристли – английский писатель, мастер «страшилок», от которых кровь стынет в жилах, по спине бегут мурашки, а душа уходит в пятки.

Дэвид Робертс – известный британский иллюстратор, сотрудничающий с лучшими детскими писателями.

Шторм

Целых три дня побережье терзал неистовый, бешеный шторм. Волны бросались на древние скалы с невиданной яростью. Мне ни разу не доводилось видеть ничего подобного за все мои тринадцать лет – а я нигде больше и не жил.

«Старый трактир» – мой дом – ютился на вершине скалы, цепляясь за нее изо всех сил, как моллюск, прилепившийся к камню во время прилива. Он стоял на угловатом выступе, который веками глодала непогода, и с остальным Корнуоллом его соединял лишь тонкий перешийек, обгрызенный с обеих сторон, словно сердцевина яблока, и обточенный до формы моста. Перекуси его – и наш трактир делается островом, а мы с семьей – островитянами.

Смертоносный шторм пронесся по Атлантике внезапно, рыскал, точно изголодавшийся хищный зверь. Он хватал когтями рыбаков по всему побережью, и их вдовы с осунувшимися лицами бродили у причалов и входов в гавань.

В первый день клипер, попытавшийся обогнать шторм, налетел на зубья скал примерно в миле от берега и затонул со всей командой: волны вздымались горами, и спасательная шлюпка не могла к ним подобраться.

На следующий день в заливе показалось другое судно, ветхое с виду, едва различимое среди низких облаков и брызг, и все на берегу молились, чтобы ему удалось перехитрить ветра

и избежать участи затонувшего корабля. Я молился о том же, стоя в разоренном ветром саду и глядя на море.

Хотя «Старый трактир» стоял обособленно и в довольно опасном месте, у нас всегда былолюдно и славно, во многом благодаря отцу: у него всегда находилось время выслушать чужие печали, пошутить или поделиться толикой мудрости, которая свойственна тем, кто нашел свое призвание в трактирном деле.

Может показаться, что расти в трактире не так уж хорошо для ребенка, но мы с Кэти ни за что не поменялись бы с другими детьми в Англии.

К морякам, что захаживали в трактир, мы относились как к родным. Не скрою, встречались среди них и грубияны, и горячие головы, но всегда были и те, кто охотно рассказывал нам истории о своих приключениях и странствиях. Зачарованные, мы слушали до последнего, пока мать не загоняла нас в постель, не обращая внимания на наши мольбы остаться еще на несколько минуточек.

Никаких детей не любили так сильно, как нас; эти воспоминания – как яркий свет, такой сильный, что слепит глаза. Но так продолжалось недолго.

Когда наша мать умерла родами, взяв нашего (как оказалось) братца с собой на небо, отец, который всегда был самым лучшим отцом и благороднейшим человеком, начал соскальживать в омут отчаяния, обильно принимая бренди и портвейн и прикладываясь ко всякой открытой бутылке.

У него не осталось поводов для шуток, и ничьи печали не могли сравниться с его собственными. Мудрость, которой он некогда одарял других, он, казалось, растратил. Он был угрюм и раздражителен даже с друзьями, тщетно призывавшими его найти утешение в детях.

Но мы с Кэти никак не могли служить ему утешением – отнюдь. Мы напоминали ему о потерянной любви. Кэти была точнейшей копией нашей матери в миниатюре, и зачастую казалось, что ему больно смотреть на нее. Но как бы он ни отвергал нас, он по-прежнему оставался нашим отцом, и мы нежно любили его. Я считал его примером того, каким должен быть мужчина, и вырос с единственным желанием – походить на него во всем.

Посетители наши были, однако, не столь снисходительны. Мало-помалу трактир начал пустеть. Завсегдатаи и друзья семьи, которые некогда запросто взбирались на скалу по тропинке, оставались теперь в деревне, а путники, предупрежденные о негостеприимном нраве отца, к нам не заезжали.

Его душевное состояние становилось все хуже и хуже. У него случались приступы неуправляемого гнева, от которых мы с Кэти прятались, забившись в свои комнаты, а когда решали, что опасность миновала, выходили и неизменно видели, как бедный отец пьяно всхлипывает у камина. Несмотря на связывавшие нас узы, отец с каждым днем отдалялся все больше и избегал смотреть на нас – не хотел или не мог выдержать наших взглядов, – отталкивал нас и молил оставить его в покое, который он, казалось, потерял навсегда, и мы вместе с ним.

Похоже, шторм подействовал на него особенно плохо. Словно трехдневный ураган расшатал его рассудок, выкорчевал и разбил в щепы. Отец был странно воодушевлен буйством погоды и вел себя все более возбужденно и деятельно.

Из окна своей спальни я наблюдал, как он ходит по палисаднику, за которым мать ухаживала с такой любовью, но который теперь зарос чертополохом и сорной травой, а буря еще и прибила растения к земле. Сгибаясь под натиском ветра, отец маниакально, но в то же время методично собирал высокие голубые цветы в печальный букет. Я поразился тому, как он рыдает. Видеть это мне было горько.

А потом, на третью ночь шторма, мы с Кэти свалились с ужасной хворью. Сначала она поразила Кэти, но всего лишь примерно на час. Болезнь охватила нас пугающе быстро, лицо и гортань странно онемели, затем последовала жуткая тошнота и рвота. Мы не сомневались,

что вот-вот умрем, и закричали, будто были малыми детьми, – на этот зов мать наверняка прибежала бы к нам наверх.

Это потрясение, кажется, привело отца в чувство. Его будто подменили. Он утешал нас так заботливо, как только может родитель, и сказал, что скоро все будет хорошо: он пойдет за доктором, а мы должны оставаться дома, ни в коем случае не выходить и никого не впускать. Я никогда не видел его таким удрученным. Он выглядел полупомешанным от беспокойства, и за это мы прониклись к нему нежностью.

Мы обещались, и отец ушел, уверив нас, что вернется быстрее, чем мы заметим его отсутствие. Он уложил нас с Кэти в свою кровать, и мы вытянулись рядом в темноте. Я слышал дыхание Кэти – как и мое, оно стало частым-частым – но постепенно замедлилось, выровнялось. Потом я заснул.

Трудно сказать, сколько я проспал. Ветер могучим драконом ревел за стенами и, как, впрочем, и следовало ожидать, потревожил мой сон. Я проснулся во мраке, хватая ртом воздух, словно вынырнувший из черного океана моряк, чей корабль поглотила пучина. Но боль, к моему великому облегчению, утихла.

– Кэти, – прошептал я, – ты не спишь?

– Нет, – ответила она чуть погодя. – Но я чувствую себя как-то странно.

Я понял, что она имеет в виду. Симптомы болезни, кажется, исчезли, но вместо них появилось легкое головокружение. Я сказал, что, вероятно, нам стоит встать и подождать отца внизу, у камина, и Кэти согласилась.

Мы оделись и спустились в главную залу трактира, которая до недавнего времени наполнилась звуками голосов, звоном стаканов и стуком оловянных кружек, а теперь пустовала, и в ней, мерцающая в свете огня, двигались только беспокойные дрожащие тени от стульев.

Я спросил Кэти, не почитать ли мне вслух, она охотно согласилась, и мы, как часто бывало, устроились у огня. Я намеревался развлечь ее немудреными выдумками, всякими фантастичными вещицами, чтобы успокоить до возвращения отца. Но мне следовало быть умнее.

Сколько я себя помню, мы с Кэти питали непреодолимую склонность к историям мрачного толка, особенно тем, где повествование несется по вздымаемым штормами океанам или пристает к пустынным неизвестным берегам. Вкус к таким рассказам мы приобрели, жадно слушая постояльцев-моряков, а их байки были не для детских ушей, и знай об этом мать, она отсылала бы нас в постель еще раньше.

Эти рассказы, хотя и жуткие, мы знали так хорошо, что они успокаивали нас, как других детей колыбельные, и именно к ним мы обращались в надежде отрешиться от реальных горестей и забот. Они переносили нас в то счастливое время, когда дела в трактире шли хорошо, в то время, когда смерть и скорбь существовали лишь в историях и чужих жизнях.

Ветер снаружи был такой сильный и так жалобно стонал и завывал в дымоходе, что пришлось повисить голос самым неестественным образом, чтобы Кэти слышала меня, но она не жаловалась, а лишь сидела и с неослабным вниманием ловила каждое мое слово.

– Последовала сцена самого кровавого побоища, – читал я. – Связанных моряков потащили к сходням. Там стоял кок, обрушивая топор на головы несчастных жертв, но остальные мятежники перебросили его через борт...

Грозная буря рвала с петель дверь сарая и бешено хлопала ею уже битый час, а то и дольше, поэтому мы не сразу сообразили, что стук, который был слышен теперь, шел от передней двери: в нее кто-то колотил.

Я побежал посмотреть, думая, что вернулся отец. Передняя дверь трактира находилась в конце небольшого и темного коридора, выложенного каменными плитами, и в ней было круглое оконце с толстым, как бутылочное дно, стеклом. Даже угадывая одни лишь контуры, я понял, что это не отец.

– Доброй ночи! – сказал человек снаружи. – Не впустите ли моряка переждать шторм?

– Мы закрыты, – только и смог ответить я, памятуя о наказе отца никого не впускать и не выходить из дома.

– Сжался, парень, – перекричал незнакомец гул шторма, очевидно, угадав по моему обеспокоенному голосу, что я юн. – Мне нужна тихая гавань всего-то на время, и потом я уйду. Не бросишь же ты меня погибать в такую дрянную погоду?

При этих словах буря завывала еще более дико. Действительно, в такой шторм жестоко держать на улице лишнюю минуту даже незнакомца. Ветер разъярился так, что всего за несколько мгновений до появления моряка он поднял в воздух тачку и швырнул ее в море. То же могло случиться и с человеком, в этом я не сомневался. Уверен, будь отец здесь, он впустил бы моряка, что бы он ни говорил перед уходом.

Когда я отодвинул щеколду, дверь распахнулась с такой свирепостью, что едва не пригвоздила меня к стене, а рев шторма и грохот бившихся о скалы волн обрушились на все мои чувства, так что я не сразу разглядел стоящую в дверном проеме фигуру, которую вспышка молнии выхватила из чернильной тьмы и почти просветила насквозь со всей возможной яркостью.

Я не мог различить его черт – он оставался тенью в дверном проеме, – но что-то в его лице сверкало, как крохотная звездочка.

– Я не причиню тебе и твоей семье ни вреда, ни неприятностей, даю слово.

Послышался очередной раскат грома – в такую ночь совесть не позволит захлопнуть дверь перед носом у незваного гостя, кем бы он ни был.

– Ладно, – сказал я неохотно. – Входите же скорее.

– Ты хороший парень, – ответил моряк с улыбкой. – Джона Теккерей добра не забывает. Будем знакомы.

– Итан Мэттьюс, – представился я, пожимая его руку: она была холодная и мокрая, как у торговца рыбой. Он совсем промок, и вода стекала с него, будто он только что выбрался из моря.

– Входите, – повторил я. – Не то простудитесь до смерти.

– Премного благодарен, – сказал он, переступая порог, а я навалился на дверь плечом, уперся ногами в каменные плиты пола и, поборовшись со штормом, умудрился ее захлопнуть. Стоило запереть дверь, как в трактире замечательным образом установилась относительная тишина, и наш маленький дом показался еще более спасительным убежищем.

Я повернулся к незнакомцу и удивился, поняв, что он едва ли намного старше меня: ему можно было дать самое большее лет семнадцать-восемнадцать. Он был одет в форму мичмана (хотя и довольно старомодную), но без головного убора, в черном кителе с латунными пуговицами, белом жилете и белой же рубашке. На поясе у него висел меч.

С черным платком, повязанным вокруг шеи, он был красив: темные как у морской птицы глаза на бледном лице, обрамленном смоляными волосами, которые змеились блестящими

влажными локонами. Он широко улыбнулся, среди белоснежных зубов один сверкнул золотом. Кэтрин подошла и встала рядом со мной, разглядывая гостя.

– А кто эта редкая красавица? – спросил он. Кэти покраснела и отвернулась.

– Это моя сестра, сэр, – ответил я сухо, не вполне довольный, что к ней обращаются так бесцеремонно. – Ее зовут Кэтрин.

– Но все называют меня Кэти, – добавила сестра.

– Очень рад знакомству, мисс Кэти, – сказал моряк с легким поклоном.

– Я тоже рада знакомству с вами, сэр, – ответила Кэти, сделав, видимо, книксен.

– Так что же, вы здесь совсем одни? – спросил Теккерей, глядя мимо нас.

Подобный вопрос показался мне подозрительным, и моя ладонь сжалась в кулак. Это не укрылось от Теккерей, и он улыбнулся.

– Брось, дружище, – сказал он. – Не беспокойся. Я просто спросил. Может быть, ваша мать дома?

– Наша мать давно умерла, сэр, – сказала Кэти. – Мы с Итаном ужасно заболели, и отец пошел за доктором.

– Кэти! – прошипел я, раздосадованный, что она так откровенна с человеком, которого мы совсем не знаем.

– Что? – Она фыркнула. – Отец велел тебе никого не впускать, а ты ослушался. Так что вот тебе!

Мне нечем было парировать это обвинение, и я почувствовал, как щеки у меня запылали. Ветер ревел как взбесившийся зверь и бился в двери, словно желая ворваться внутрь. Наш гость странно посмотрел на нас обоих.

– Сегодня та еще ночка, – заметил Теккерей. – Давно ли ушел ваш отец?

– Давно, – сказала Кэти. – Его нет уже страшно долго, правда, Итан?

Я снова зыркнул на Кэти: что за противная привычка говорить больше, чем нужно.

– Он вот-вот вернется, сэр, – сказал я, – будьте уверены. Мы ждем его с минуты на минуту.

– Да что вы? – сказал он тоном, который мне не понравился.

– Именно так.

– Очень рад это слышать, юноша, – ответил Теккерей. – Пожалуй, я пока глотну рому и составлю вам компанию.

Он достал из кармана кошелек, вытряхнул на ладонь несколько монет и шумно высыпал их на барную стойку.

– Полагаю, отец не захотел бы, чтобы мы выгнали вас, пока не утихнет шторм, сэр, – сказал я, глядя на монеты. – Можете налить себе рому. Бутылка на стойке. Кэти принесет вам стакан.

Мы все уселись за стол у огня, Кэти и я с одной стороны, Теккерей – с другой. На столе лежала стопка книг, наш гость взял их и, усмехаясь, стал зачитывать названия вслух.

– «Повествование о кораблекрушении, самом чрезвычайном и озорчатом, китобойца “Эссекс”», «Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета», «Гротески и арабски»¹... Пускаетесь в большое плавание, молодые люди.

– Вы не любите мистера По? – спросила Кэти.

– Очень даже люблю, – ответил Теккерей, – хотя порой он несколько витиеват, на мой вкус. – Он ухмыльнулся. – Впрочем, рассказ «Сердце-обличитель» очень занятный – очаровательно жуткий.

¹ «Повествование о кораблекрушении, самом чрезвычайном и озорчатом, китобойца “Эссекс”» – произведение Оуэна Чейза, вышедшее на русском языке под названием «Повествование о китобойце “Эссекс” из Нантакета». Остальные два произведения принадлежат перу Эдгара Аллана По. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Кэти улыбнулась необычному словосочетанию: очевидно, она разглядела в Теккерее родственную душу. Я был не столь доверчив.

– Вы что же, любите читать, мистер Теккерей? – спросил я с явным удивлением. Он улыбнулся.

– Читаю, когда выдается возможность, – ответил он. – Но моряки куда чаще рассказывают истории, чем читают. Это часть корабельной жизни, даже на таком судне, как мое.

На мгновение Теккерей взглянул на огонь и, казалось, потерялся в собственных мыслях. Интересно, что он имел в виду.

– Вы еще не рассказали нам, как остались без крова в такую ночь, – сказал я.

– Раньше я жил неподалеку отсюда, – ответил он. – Но это было давно...

И снова Теккерей словно погрузился в свой собственный мир, а я покосился на Кэти, жалея, что в своем мягкосердечии впустил этого незнакомца в дом. Мы знали почти всех в округе, и ни про каких Теккереев я не слышал. Но когда наш гость повернулся к Кэти, она казалась совершенно околдованной.

– Мне нравилась одна девушка, и я хотел на ней жениться. – Он слабо улыбнулся Кэти. – Но она вышла за другого. А я женился на море. – Он отхлебнул рома и снова посмотрел на огонь. Я закатил глаза, и сестра шлепнула меня по руке.

– Что, если, – продолжал гость, снова глядя на нас, – заметьте, это лишь предложение – что, если, пока я пью ром и жду, когда шторм поутихнет, мы скоротали бы время за парой историй, которые я узнал во время странствий? Что вы на это скажете?

Кэти с готовностью и воодушевлением сказала, что это было бы замечательно, если только наш гость не слишком утомится. Я пробормотал что-то вроде того, что если уж Кэти так хочется, то и я согласен, хотя, по правде говоря, не хотел давать незнакомцу повода задерживаться.

– Меня беспокоит только, – сказал Теккерей, – что мои рассказы покажутся вам слишком жуткими. Я привык к обществу моряков, а наши истории, вероятно... Как бы сказать? Более кровожадные, чем те, что вам доводилось слышать раньше.

Мы с Кэти переглянулись, и я понял, что она того же мнения, что и я.

– Уверяю вас, сэр, что мы с сестрой вполне подготовлены ко всему, что вы нам расскажете. Мы не малые дети. Мы выросли в трактире, и нам хорошо известны обычаи моряков вроде вас.

Теккерей потер руки, и они заскрипели, словно старая кожа. Он ухмыльнулся, и его золотой зуб сверкнул в отблеске огня, как вечерняя звезда в сумерках.

– Что ж, юные слушатели, очень хорошо, – сказал он, – дайте-ка подумать... Ну да. Кажется, есть у меня один рассказец, который может вас развлечь. Это в некотором роде история любви.

– Любви? – Кэти скривилась. Она питала решительное отвращение к любого рода романтическим историям. Я улыбнулся: надо же, как быстро охладел ее интерес к Теккерее.

– Да, – сказал он, – в *некотором* роде.

Пирошка

Корабли годятся для разного груза: опиума и какао-бобов, апельсинов и строевого леса, хлопка и чугуна. На них перевозят войска захватчиков, на них перевозят рабов. Однако на «Дельфине» груз – хотя и человеческий – был совсем другого рода.

На кораблях переправляются и мечты, и «Дельфин» вез переселенцев из Восточного Средиземноморья в Америку, к новой жизни. Он вез их тела, их грубую одежду, их скудные пожитки – а заодно надежды и чаяния. Их страхи он вез тоже.

Эти люди не были привычны к путешествиям. Их семьи поколениями цеплялись за тяжкую жизнь, доставшуюся им по наследству: это были крестьяне, влачившие существование в тени древних замков, люди дремучие и суеверные. Разорвать крепкую связь с землей предков им было непросто.

Но вот пассажиры с большим воодушевлением погрузились на корабль, где, к удовольствию всей команды, стали петь народные песни и танцевать на палубе. Воздух наполнился мелодичным пением скрипок и кларнетов, и вскоре стало похоже, что на корабле устроили деревенскую свадьбу или майские гуляния.

Ричард Стайлз, молодой моряк, занимался своими делами, но скоро его внимание привлек кое-кто из пассажиров: девушка – рыжеволосая девушка, – которая, как искристый янтарь, освещала все вокруг. Он влюбился в нее в то же мгновение, но был слишком застенчив, а потому только и мог, что улыбаться ей.

Была в этих переселенцах некая ребячливость. Страхи и сомнения, связанные с новой жизнью, они заметали под ковер веселости и приподнятого настроения, как будто песни и смех могли отвести от них невзгоды.

Все изменилось, как только корабль вышел в Атлантический океан. Налетевший шторм загнал пассажиров в трюм. Песни сменились молитвами, смех – стонами и плачем. Жены цеплялись за мужей, дети – за матерей.

Когда через несколько дней ветер наконец утих, люди казались измученными: шторм будто сломил их дух. Никто уже не пел и не танцевал, и даже дети играли как-то вяло и равнодушно.

Чиня такелаж грота², Ричард Стайлз глядел вниз на эту унылую компанию. По всему видно: переселенцы – голь пережатая, сплошь крестьяне и ремесленники, Ричард и сам был из таких. Ему вспомнилось, как четыре года назад, в нежном возрасте одиннадцати лет, он подался в моряки; вспомнилось, как тяжел и безрадостен был труд в северном торговом городе, где он родился. Ему было понятно, почему пассажиры устремились на поиски лучшей доли, но они напомнили ему, как он сам сбежал от жизни, которая тянула из него все соки.

Ричарду казалось, что эти люди уже растратили половину жизненных сил, чтобы очутиться здесь; они были вымотаны, и в них совсем не осталось жизнелюбия. Словно весь энтузиазм, который они выказывали в начале плавания, был только воспоминанием о радости, а не самой радости; словно они притворялись, разыгрывали спектакль. Возможно, таково их обычное состояние.

– Ну и груз нам достался, – сказал моряк рядом с ним. – Можно подумать, они плывут не к новой жизни, а на чьи-то похороны. У меня от них мороз по коже.

Ричард догадывался, что тот имел в виду. Было в этом новом упадническом настроении нечто тревожное. Капитан обеспокоенно переговорил с судовым доктором: как бы на пассажиров не напала какая-то болезнь, – и приказал команде держаться от них подальше.

Увы, странное оупение и уныние, казалось, уже просочились в самый корпус корабля и заразили команду, ведь теперь они подстраивали свой обыкновенно энергичный темп жизни под скорбную музыку пассажиров.

Если раньше моряки пели за работой, перешучивались или устраивали безобидные розыгрыши, чтобы скоротать время, то теперь они делали все машинально, словно фабричные рабочие. Впервые с тех пор, как Ричард вышел в море, жизнь на корабле стала тусклой и монотонной, и он не мог дождаться, когда их мрачные пассажиры сойдут на берег.

Вялость движений и настроения прямо отразилась на их внешнем облике. По-видимому, все вещи переселенцев были серыми или коричневыми, или черными, и цвета корабля тоже поблекли, ведь уже несколько дней стояла мрачная и облачная погода, похожая на зимние сумерки.

Посыпался плотный мелкий дождь, и горизонт окутался туманом, скрылся за низкими облаками. Море присоединилось ко всеобщей апатии, как и ветер, который дул лишь слегка, напоминая слабое дыхание старика на склоне лет.

Но в этом тоскливом и сумеречном однообразии была одна радостная нотка, как пение птиц на кладбище: рыжеволосая девушка, в которую влюбился Ричард. Она, по крайней мере, сохранила резвость и веселую живость. Он видел, как беззаботно она двигается среди массы оборванных пассажиров, словно скачущая по зимнему лесу лань.

Она была худенькой, но в ней бурлила жизнь: лицо круглое, на румяных щеках ямочки. Волосы рыжие точно кленовые деревья в Массачусетсе солнечным октябрьским утром. Среди мрака ее улыбка сияла солнцем, и один ее вид поднимал Ричарду настроение.

² Такелаж – общее название снастей на судне. Здесь – снаряжение грот-мачты, на которой закрепляют грот, большой треугольный парус.

Да, морякам строго наказали не водить знакомства с пассажирами, хотя и велели вести себя учтиво, и Ричард знал, что рискует получить нагоняй, если заговорит с девушкой. Но заговорить с ней он все-таки должен.

Отбросив страх подхватить какую бы то ни было хворь, он нашел предлог поработать на палубе среди пассажиров и, сматывая канат в бухту³, исподтишка высматривал девушку. Вдруг она сама появилась рядом с ним.

– Здравствуйте, мисс, – сказал он.

Она не ответила сразу – возможно, не поняла, подумал Ричард, но тут девушка склонила голову набок и улыбнулась.

– Здравствуйте, – сказала она с сильным акцентом.

Ричард не заготовил речи и, встретившись с девушкой, не знал толком, что сказать. Вокруг стояли другие эмигранты, которые, хотя и не обращали на них внимания, все же смущали его. Девушка заметила, что ему неловко, и захихикала.

– Можете спросить, как мое имя, – предложила она, хитро улыбаясь.

– Вы смеетесь надо мной, мисс? – спросил Ричард, заливаясь краской.

– Нет, – сказала она ласково, коснувшись его руки. – Честное слово.

– Что ж. – Он беспокойно оглянулся, проверяя, нет ли рядом кого-нибудь из команды. –

Как ваше имя, мисс?

– Пирошка, – ответила она.

– Какое красивое имя, – сказал Ричард.

– Вы считаете? – И она снова хихикнула.

– Да. – Он смутился: как бы девушка не приняла его слова за лесть, в то время как он действительно так считал. Это очень красивое имя.

– Вам очень хочется жить в Америке, мисс?

– Пожалуйста, зовите меня Пирошкой, – попросила она. – Да, я мечтаю об Америке каждый день.

– Вы плывете с семьей?

– Да-да, – сказала она. – Теперь у меня большая семья.

Ричард уже не слушал, что она говорит, а только смотрел, как двигаются ее вишневые губки. От Пирошки это тоже не укрылось, и она засмеялась приятным смехом, к которому Ричард не мог не присоединиться. Он будто ступил в пятно солнечного света посреди темного леса.

– Я должен вернуться к работе, – сказал он, – а не то мне достанется. – Он дернул край шляпы и пошел, неуклюже наскочив на другого пассажира.

– Но вы не сказали, как зовут вас, – окликнула его Пирошка.

Он обернулся.

– Ричард. Меня зовут Ричард.

– Мы ведь еще увидимся, Ричард?

– Да, мисс... Пи-рош-ка. Обязательно.

И они стали видаться – сначала украдкой, и Ричард непрестанно оглядывался, проверяя, нет ли поблизости капитана или старпома; но постепенно, по прошествии нескольких дней, они осмелели. Строгий корабельный распорядок, казалось, пал жертвой той же летаргии, что и пассажиры, и хотя бы этому молодой моряк был рад.

Ричард был прилежным парнем и всегда выполнял работу так, чтобы никто не мог к нему придаться, но любую свободную минуту проводил с Пирошкой: они сидели рядом как две горящие свечи, пылая юной страстью к жизни.

Они разговаривали часами, и Ричард дивился, как ему легко в ее обществе. Он не очень умел общаться с девушками, никогда не знал, что сказать и как себя вести. Но с Пирошкой все было по-другому. Хотя они и принадлежали к разным культурам, находиться с ней ему стало приятнее, чем с товарищами по команде.

³ Бухта – трос или канат, уложенный кольцами.

Пирошка излечила всю его застенчивость. Кажется, еще никто не интересовался им так живо. Он поведывал ей то, о чем ни разу не говорил с другими; поверял надежды и чаяния, о которых и сам не подозревал, пока она их из него не вытягивала. Но раз за разом, когда беседа кончалась, Ричард понимал, что опять почти ничего не узнал о своем рыжеволосом ангеле.

– Ваша семья не возражает, что мы разговариваем наедине вот так, без сопровождающих? – спросил однажды он. Этот вопрос уже давно вертелся у него на языке, но Ричард молчал из страха перед любым намеком на возможное препятствие.

Пирошка улыбнулась и покачала головой.

– Нет-нет, – ответила она. – Моей семье вы нравитесь. Они рады, что я познакомилась с вами. Они хотят, чтобы вы остались с нами в Америке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.